

М. Д. Тагаев

Кемеровский государственный университет

Номина́тама как функционально-семантическая единица когнитивного описания словообразования

В когнитивном описании словообразования неизбежно возникает вопрос об установлении функционально-семантической единицы описания, пригодной для адекватного представления языкового материала. Рассмотрим некоторые метаязыковые понятия, которые использовались для описания словообразовательной системы и обоснуем свою точку зрения по данному вопросу.

Понятие словообразовательного типа, которое опирается и «привязано» к материальной субстанции словообразовательного средства, прекрасно проявило себя в качестве структурно-функциональной единицы при исследовании генетически родственных языков, создании их типологии и классификации в рамках системоцентрической лингвистики.

Г.С. Зенковым было выдвинуто и обосновано понятие дериватемы как функционального инварианта, который объединяет «идеализированные дифференциальные элементы, абстрагированные от физической субстанции одноразрядных словообразовательных типов по линии словообразовательного средства и соотносимые с функциональной нагрузкой в системе языка» [Зенков, 1969, с. 100]. Из сказанного следует, что «объем понятия дериватемы сводится в конечном счете к множеству множеств: членами множества являются словообразовательные типы, а членами множеств – конкретные слова» [Зенков, 1969, с. 102]. Дериватема является функционально-семантической единицей словообразовательного уровня языка, которая обобщает и фокусирует в себе словообразовательные значения целого ряда словообразовательных типов, отвлекаясь от них по линии словообразовательного средств. Хотя Г.С. Зенкову и удалось оторваться от материальной субстанции по линии словообразовательного средства, релевантными признаками дериватемы остаются понятия части речи и способа словообразования. Разница между однотипными дериватами состоит в различии способов словообразования.

С точки зрения поставленной задачи известный интерес представляет понятие словообразовательной категории, которое в значительной мере отвлекается от материальной субстанции языковой формы. Следует отметить, что данное понятие признается не всеми и присутствует не во всех описаниях словообразования. Так, например, отмечается что «словообразовательная категория – единица более абстрактная, чем словообразовательный тип. К одной словообразовательной категории относятся словообразовательные типы с общим словообразовательным значением, но с разными формантами» [Ким и др., 1992, с. 110]. Так, к одной словообразовательной категории на основании общности словообразовательного значения «свойственный тому, кто назван мотивирующим словом», относятся слова типа *звериный, львиный, птичий, бараний, китовый, тигровый*.

Понятие словообразовательной категории еще не нашло однозначного понимания среди специалистов. Е.А. Земская считает, что релевантными признаками словообразовательной категории являются: 1) общее словообразовательное значе-

ние, 2) способ словообразования и 3) часть речи мотивирующего слова [Земская, 1973, с. 241-242]. Подобной точки зрения придерживаются И.С. Улуханов [Улуханов, 1977, с. 129-130], Г.С. Зенков [Зенков, 1969, с. 12].

В этом определении словообразовательной категории, хотя и отсутствует субстанциональная привязанность, налицо прямое отношение к грамматическим категориям языка, которые зачастую нерелевантны в отношении данного понятия. К примеру, признак частеречной принадлежности мотивирующего слова не принимается во внимание некоторыми специалистами даже при определении словообразовательного типа [Левковская, 1954; Земская, 1992].

В отличие от изложенной точки зрения Р.С. Манучарян относит к словообразовательной категории совокупность производных разных способов словообразования, объединенных общностью словообразовательного значения. В этой связи он пишет: «Необходимо подчеркнуть, что объем и значимость словообразовательной категории не должны ограничиваться рамками определенного способа словообразования. Словообразовательная категория идентифицирует, таким образом, ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения. В границах словообразовательной категории и имеет место взаимодействие разных формантов, соответствующих словообразовательным типам и способам словообразования» [Манучарян, 1981, с. 201-202]. Таким образом, позиция Р.С. Манучаряна в отношении словообразовательной категории позволяет отвлечься от прокрустовы ложа таких понятий как способ словообразования и словообразовательное средство. Это позволяет выделить словообразовательную категорию как функционально-семантическую единицу словообразовательного уровня языка.

Следует отметить, что словообразовательная категория в трактовке Р.С. Манучаряна, как и словообразовательное значение, может обладать разной степенью абстрактности, и иметь значение от близкого к грамматическому до конкретного, вещественного.

Выделение словообразовательных категорий и значений не может происходить априори. Внеязыковая действительность и семантическое пространство языка дискретируется на определенные смысловые фрагменты (концепты), из которых наиболее значимые для носителя языка маркируются словообразовательными единицами, образуя ментально-языковые категории [Араева, 2002, с. 4-23]. В этой связи можно утверждать, что семантика, запечатленная в словообразовательных формах, составляет основу картины мира, создаваемой языком. Поэтому в качестве исходных единиц функционального описания и сравнения разнотипных языков могут выступать те значения, которые соотносятся с определенными средствами выражения.

В отношении словообразования отметим, что это может быть какое-либо словообразовательное значение, скажем, значение лица, значение субъективной оценки, или становления признака и т.д. «Факты конкретных языков, – пишет Р. Штернеманн, – объединение которых в ходе двустороннего сравнения приводит к установлению в каждом из языков функционально-семантической категории (лексико-семантических полей), подвергаются при помощи внутриязыкового сопоставления семасиологическому анализу, а также лексическому и грамматическому уточнению» [Штернеманн, 1989, с. 166]. Еще в 1922 году С.И. Бернштейн высказал мысли о процедуре проведения ономазиологического описания: «...Установив при помощи формы известное значение, категорию, исследователь должен проделать обратный путь – и с точки зрения найденной категории вновь пересмотреть весь материал внешних обнаружений мысли в языке» [Бернштейн, 1922, цит. по: Бондарко, 1984, с. 15].

Иначе говоря, на семасиологическом уровне путем анализа словообразовательных форм выявляются функционально-семантические категории одного язы-

ка, а затем на уровне ономаσιологическом рассматриваются возможные средства выражения данного значения независимо от их уровневой принадлежности. Анализ словообразовательных форм помогает установить те значения, концепты, которые категоризованы языковым сознанием носителя данного языка. Эти концепты, как результирующие единицы смыслопорождения, могут устанавливаться не только словообразовательными способами.

Как писал А.Е. Супрун, «существует четыре основных пути пополнения фонда номинаций: 1) приписывание уже знакомому слову нового значения; 2) создание сложного неоднословного наименования из двух или большего числа уже имеющихся слов; 3) заимствование из другого языка нового для данного языка слова; 4) образование нового слова (словообразование)» [Супрун, 1987, с. 99]. На наш взгляд, каждая из перечисленных операций является способом реализации такой функционально-семантической единицы как *номинатема*, план выражения которой может выходить за рамки цельнооформленного слова и быть представлен аналитическими конструкциями из других уровней. На наш взгляд, номинатема – ментально-языковая категория, структурный фрагмент языковой картины мира, упакованный в словообразовательные или в другие формы различных уровней языковой системы. В качестве номинатемы могут выступать семантические блоки-представления, получившие в языке языковое обозначение. Это морфемы, слова, словосочетания, предложения и развернутые тексты. Л.С. Выготский отметил, что «мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по протяжению и объему, чем отдельное слово. Процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах» [Выготский, 1982, с. 356]. Таким образом, одна и та же мысль должна быть расчленена на семантические блоки и структурирована. Семантические блоки-представления соотносятся со словами в соответствии с социальным опытом и членением мира, принятом на данном языке.

В этой связи В.Б. Касевич пишет: «Однако кажется ясным, что понятия передаются отнюдь не только с помощью слов, – понятия выступают в качестве плана содержания, с одной стороны, аффиксов (особенно важны словообразующие аффиксы), с другой стороны, – словосочетаний, например, *учитель, морская свинка*. Соответственно, если в языке мало слов, к тому же отсутствует аффиксация, то из этого следует лишь, что такой язык прибегает к помощи словосочетаний там, где прочие языки используют другие, особые корни, а также словообразование (корне- и словосложение и аффиксальную деривацию)» [Касевич, 1979, с. 199].

Ряд специалистов допускает мысль, что существуют аналитические конструкции словообразовательного характера, которые представляют собой семантически цельное образование [Щерба, 1962]. Они состоят из раздельнооформленных слов, одно из которых является знаменательным, другое – служебным. Служебное слово в составе аналитической формы выражает значение, аналогичное значению словообразовательных морфем. Так, Л.В. Щерба относит к словообразовательным формам аналитические формы типа *белый медведь, делать уборку*. Ф.А. Ганиев отмечает факт широкого распространения аналитических форм в татарском языке, которые по значению соответствуют словообразовательным формам русского языка [Ганиев, 1987, с. 119]. Так, например, *штраф салуу – штрафовать, кыштан чыгуу – перезимовать, эске салу – напоминать* и т.д.

Нельзя сказать, что в киргизском языке такой же большой корпус лексики в пример русскому или английскому языкам. Следовательно, мы можем ожидать, что в случаях заимствования или адекватном переводе понятия он может прибегнуть для его обозначения к словосочетаниям.

И однословные, и неоднословные номинатемы обладают целостностью номинативного значения, так как они, обозначая тот или иной фрагмент действительности, зачастую выступают как изофункциональные единицы. Одно и то же

значение в языке может быть выражено разными номинатами: синтетическими и аналитическими. Ср., *маленький дом – домик, становится грубым – грубеть, грузовик – грузовой автомобиль*. В то же время другие типы номинатом не имеют аналогов цельнооформленных производных словах. К примеру, *житель гор – горец, житель долины – ?; становится бледным – бледнеть, становится хрупким – ?*

Еще больше различий наблюдается в структуре однофункциональных номинатом разносистемных языков. Дело в том, что каждый язык на свой лад членит окружающую действительность, имеет свою картину мира, по-своему обозначая ее фрагменты номинативными средствами языка. То, что в одном языке обозначается производным или непроизводным словом, в другом находит выражение в аналитических конструкциях. К примеру, в русском языке значение 'рабочий, производящий погрузку и выгрузку' обозначено производным словом *грузчик*, в то время как в киргизском в этих целях использована аналитическая конструкция *ж\к ташуучу адам*, хотя возможно системное образование *ж\ктөөч*, что еще не принято нормой языка. Сравните также, *грузовладелец – ж\кт\н ээси, грузополучатель – ж\к алуучу*; в русском языке: *борчук – небольшая скала, дыйканчылык – сельское хозяйство*. Таким образом, неоднословные аналитические конструкции являются такими же равноправными единицами номинации, что и цельнооформленные слова.

При описании языка в направлении «от значения к форме» мы неизменно выходим за рамки одного уровня, за пределы цельнооформленного слова, вовлекая в орбиту лингвистического описания единицы синтаксического порядка [Есперсен, 1958, с. 39-40]. Этот принцип вполне отвечает задачам контрастивной лингвистики, так как «сущность сопоставительного изучения языков можно определить как *системно-функциональное* сопоставление изофункциональных феноменов независимо от того, к какому уровню языковой системы они принадлежат» [Нещименко, 1987, с. 63].

При таком подходе такая ономазиологическая категория как номинатама покрывает значительную часть общего номинативного пространства сопоставляемых языков, представленного словообразовательными и несловообразовательными средствами. Объектом анализа в первую очередь становятся словообразовательные формы, производные слова, откуда извлекаются языковые словообразовательные значения. Составляя корреляцию неоднословным номинатамам, производное слово фокусирует в себе все проблемы, связанные с функционированием других словообразовательных единиц и понятий: производящих основ, дериваторов, а также словообразовательных пар, гнезд, парадигм и цепочек, выделяя при этом в качестве центрального при сопоставительном анализе понятие словообразовательного значения.

При таком подходе словообразовательная категория является подмножеством такой абстрактной номинативной категории как номинатама, реализуя ее содержание на уровне словообразовательного уровня языка. Словообразовательная категория со значением 'наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным' покрывает только определенную часть номинативного поля с таким же значением. Отметим в этой связи, что в русском языке нет соответствующих глаголов от прилагательных: *изящный, честный, робкий* и других. Тем не менее, названная функция обозначается неоднословными, аналитическими конструкциями: *делать изящным, делать честным, делать робким*. Иерархические отношения в системе словообразовательных и несловообразовательных единиц номинации выглядит следующим образом:

Номинаемы			
Синтетические		<i>Аналитические</i>	
Словообразовательные категории		<i>Несловообраз. категории</i>	
дериватема ¹	<i>Дериватема²</i>	<i>Дериватема³</i>	
Словообразовательные		<i>Единицы других уровней</i>	
модель ¹	<i>Модель²</i>		<i>Модель³</i>
Производные слова 1, 2, 3, 4...			

Так, номинаема со значением «наделить признаком, названным именем прилагательным» может реализоваться как средствами словообразования, так и несловообразовательными средствами: *побелить – сделать белым, округлить – сделать круглым, ? – сделать красивым.*

Нетрудно заметить, что объединение в пределах номинаемы словообразовательных и несловообразовательных способов номинации позволяет глубже понять процессы перехода суждений с предикативными связями в словообразовательные единицы и другие единицы номинации.

Литература

Араева Л.А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни. Кемерово, 2002.

Бернштейн С.И. Основные вопросы синтаксиса в освещении А.А. Шахматова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Пг., 1922. Т. XXV.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., 1982.

Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1987.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Касевич В.Б. Некоторые проблемы лексикографии изолирующих языков // Переводная и учебная лексикография. М., 1979.

Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.

Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.

Нещименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Современный русский язык. Часть 1. Введение. Лексикология. Словообразование. Морфология. Ташкент, 1992.

Супрун А.Е. Дуализм словообразования, диахрония и синхрония // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика и принципы ее описания. М., 1977.

Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубеж-

ной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989.

Щерба Л.В. Что такое словообразование // Вопросы языкознания. 1962. № 2.